

Впервые расставшись с Чи Ку, Тао Хуайнань не мог привыкнуть, ему казалось, что всё вокруг неправильно. Обычно в знакомой обстановке они и не были неразлучны, чаще каждый занимался своим делом, но теперь, когда Чи Ку совсем исчез, Тао Хуайнань чувствовал себя неуютно — ни сесть, ни встать не мог.

Телефон всё время лежал в кармане, Тао Хуайнань включил и звонок, и вибрацию, но тот молчал.

Перед ужином, когда уже смеркалось, брат Тянь И зашёл в комнату и постучал в дверь.

Тао Хуайнань сел, прочистил горло и с улыбкой сказал:

— Я проснулся.

— Иди ужинать, малыш, — позвал его Тянь И. — Тётушка Тянь приготовила тебе паровые пирожные на молоке, иди попробуй.

— Иду, — ответил Тао Хуайнань, слезая с кровати и стоя у края, поправляя одеяло, которым только что укрывался. — Сейчас.

Тянь И обменялся с Тао Сяодуном безмолвным взглядом и беззвучно произнёс:

— Переживает.

Тао Сяодун кивнул. Если бы они были дома, он бы и слова не сказал, но сейчас они в гостях, и это неизбежно.

Такое состояние длилось несколько дней, голос у Тао Хуайнаня стал совсем хриплым. Позже, возможно, чтобы не беспокоить брата, он начал вести себя нормальнее, стал больше говорить, хотя его охрипший голос звучал жалостливо.

Чи Ку не позвонил ему ни разу. Однажды, по дороге с братом в мастерскую, Тао Хуайнань тихо спросил:

— А Чи Ку не бьют?

— Нет, — ответил Тао Сяодун. — Вчера я ему звонил.

— А? — удивился Тао Хуайнань, поворачиваясь к брату. — Когда? Я не слышал.

— Когда мы отдыхали после работы, ты лежал, — сказал Тао Сяодун. — Его не бьют, отец его не может поймать.

— Он быстро бегает, — спустя некоторое время снова спросил Тао Хуайнань. — Он сразу ответил, когда ты позвонил?

— Ответил, — с улыбкой сказал Тао Сяодун. — Если ты так по нему скучаешь, позвони ему сам, зачем всё время держать телефон в кармане и только трогать его? Чего ты стесняешься?

Тао Хуайнань снова машинально потрогал карман, нащупывая телефон через ткань, но так и не решился его достать.

— Я не буду звонить... — тихо покачал головой Тао Хуайнань. — Я ещё не перестал на него злиться.

— Не злись на него, ему и так непросто, — успокаивал брата Тао Сяодун, пытаясь объяснить. — Он не такой, как ты, многое, что ты можешь игнорировать, он не может, он слишком много думает.

Тао Хуайнань всё это понимал, и с возрастом понимал всё лучше. Но понимание не означало, что он перестал грустить, с годами многие эмоции становились сложнее для распознавания.

Были и грусть, и злость, и печаль, но больше всего — тревоги.

Тао Хуайнань помолчал некоторое время, но всё же не удержался и снова спросил:

— А вдруг однажды он не убежит? Его отец может его убить.

— Не убьёт, — сказал Тао Сяодун, погладив брата по голове, пока они останавливались на светофоре. — Чи Ку очень сильный.

Тао Хуайнань «хм» кивнул:

— Он очень сильный.

Каникулы обычно короткие, каждый день проходит легко и радостно, и вот они уже заканчиваются. Но в этом году зимние каникулы казались особенно длинными, словно прошло уже много дней, хотя на самом деле не прошло и десяти.

Каждый день тянулся медленно, и даже смена дня и ночи не происходила так быстро, как раньше.

Тао Хуайнань сам взял тетрадь с заданиями и начал решать задачи на ощупь, закончив, он не знал, кому показать результат. Он снова засунул руку в карман, нажал на случайные кнопки, чтобы проверить, выключен ли телефон.

Не выключен, брат утром сказал, что заряда ещё половина, и если просто оставить его в режиме ожидания, не используя, то его хватит ещё на три дня.

Тао Хуайнань достал телефон и положил его на стол рядом с тетрадью. На самом деле, телефон мог делать многое, но у Тао Хуайнаня не было привычки играть с ним, режим для слепых был не так удобен, и если ему что-то нужно было, он просто говорил Чи Ку, и тот читал ему всё, что нужно.

Когда Тао Хуайнань уставал решать задачи, он надевал наушники и некоторое время водил пальцами по телефону, но ничего интересного там не находил. Он был слепым, и игры ему были недоступны, да и даже если бы он мог играть, они бы его не заинтересовали.

Прошло ещё два дня, и наконец Тао Хуайнань дождался звонка от Чи Ку.

Хотя он говорил, что злится и не прощает его, когда зазвонил телефон, он вскочил с кровати и бросился к телефону, который заряжался. Тао Сяодун, услышав это снаружи, подумал, что брат упал.

— Алло? — с задержанным дыханием ответил Тао Хуайнань.

Голос Чи Ку раздался из телефона, проникнув в уши Тао Хуайнаня, и сразу стало легче.

— Я.

Тао Хуайнань сжал губы:

— Я знаю, что это ты.

— Горло хрипит? — спросил Чи Ку, и по голосу было слышно, что он идёт и немного запыхался.

Тао Хуайнань спросил его:

— Что ты делаешь?

— Гуляю, — с усмешкой ответил Чи Ку. — Убегаю от Чи Чжидэ.

— Ты ещё смеёшься... — Тао Хуайнань недовольно нахмурился, услышав его смех. — Тебя били?

— Нет, — ответил Чи Ку.

Когда они начали разговаривать, слышали друг друга, всё забылось. Сначала Тао Хуайнань ещё держался, но через несколько фраз его голос смягчился, и он перестал притворяться.

— Когда ты вернёшься?

— Ещё не знаю, — ответил Чи Ку. — Чи Чжидэ пока не собирается уходить.

Тао Хуайнань прикусил внутреннюю сторону губы и глухо сказал:

— Мне каждый день плохо, всё идёт не так.

Чи Ку замолчал на пару секунд, а затем сказал ему:

— Маленький капризуля.

— Кто как ты, — пробормотал Тао Хуайнань, поскрёбывая заднюю часть телефона. — Ты такой решительный, сказал — ушёл, я вижу, тебе очень весело.

Чи Ку снова засмеялся, и в его голосе слышалась усмешка:

— Я знал, что как только позвоню, ты будешь таким.

— Тогда не звони, — сказал Тао Хуайнань.

— Тогда я положу трубку, — ответил Чи Ку.

Тао Хуайнань сразу нахмурился:

— Не надо, не надо.

Чи Ку, видимо, только что бежал, и в его смехе слышалось сильное дыхание. По телефону он смеялся гораздо чаще, чем обычно дома, где он всегда был хмурым.

— Там холодно? — спросил Тао Хуайнань, сидя на краю кровати и выпрямившись.

— Нормально.

— Надень шапку, — посоветовал Тао Хуайнань. — Иначе уши замёрзнут.

Чи Ку с некоторым раздражением ответил:

— Не приставай.

Тао Хуайнань с силой закрыл глаза, сделав вид, что сердится, но всё же крепко держал телефон, не желая класть трубку.

Разговор длился больше получаса, и Тао Сяодун, слушая снаружи, не мог не улыбнуться. Обычно они не так много разговаривали, а тут вдруг завели телефонную болтовню.

Перед тем как положить трубку, Чи Ку сказал:

— Ладно, я пошёл.

— Не возвращайся, иди в наш старый дом... — Тао Хуайнань уже перешёл из сидячего положения в лежачее. — Тот, где мы жили в детстве.

— Вчера я был там, его превратили в склад, там полно мышей, — вспомнил Чи Ку. — А на окнах сосульки.

Тао Хуайнань тихо воскликнул:

— Ух ты... — а затем добавил:

— Но ты ведь не боишься мышей, не возвращайся домой.

— Не лезь, — Чи Ку не стал продолжать разговор. — Я кладу трубку.

Тао Хуайнань тихо пробормотал:

— Ладно.

— Всё будет хорошо, делай, что нужно, не придумывай, — перед тем как положить трубку, Чи Ку сказал Тао Хуайнаню, и, возможно, из-за дыхания или холода, его голос звучал мягче обычного. — И не беспокойся обо мне.

— Хм, — когда Чи Ку говорил так спокойно, Тао Хуайнань тоже становился послушным, покорно соглашаясь. — Хорошо.

Разговор был долгим, и после того, как они положили трубку, ухо, к которому был прижат телефон, стало горячим. Тао Хуайнань снова поставил телефон на зарядку, надел тапочки и вышел в гостиную.

На столе лежали фрукты, которые брат порезал, и Тао Хуайнань сам наколот ананас на шпажку и начал есть.

Тао Сяодун вышел из ванной и, увидев брата, который ел с тарелки, удивился:

— О, сегодня настроение хорошее?

— Какое там, — ответил Тао Хуайнань, проглотив ещё кусочек ананаса и опустив глаза. — Просто так.

Тао Сяодун долго смеялся, дети — это действительно что-то. Иногда он думал, что именно из-

за того, что его брат с детства был слепым, он видел меньше уродливого и тёмного в мире, и поэтому оставался таким наивным. Это было своего рода компенсация — он не видел, и поэтому его мысли были чище и проще, и даже повзрослев, он оставался как ребёнок.

С этого дня братья стали иногда звонить друг другу, раз в два-три дня.

И вместо того чтобы ждать начала учебного года, Тао Хуайнань начал ждать звонков, и время стало идти быстрее. Он даже засыпал, держа телефон в руке, и иногда, забыв положить его, просыпался утром с глубокими следами на теле от того, что телефон врезался в кожу, и это было больно.

[Авторский комментарий: Иногда он думал, что именно из-за того, что его брат с детства был слепым, он видел меньше уродливого и тёмного в мире, и поэтому оставался таким наивным. Это было своего рода компенсация — он не видел, и поэтому его мысли были чище и проще, и даже повзрослев, он оставался как ребёнок.]

<http://bllate.org/book/16228/1458162>